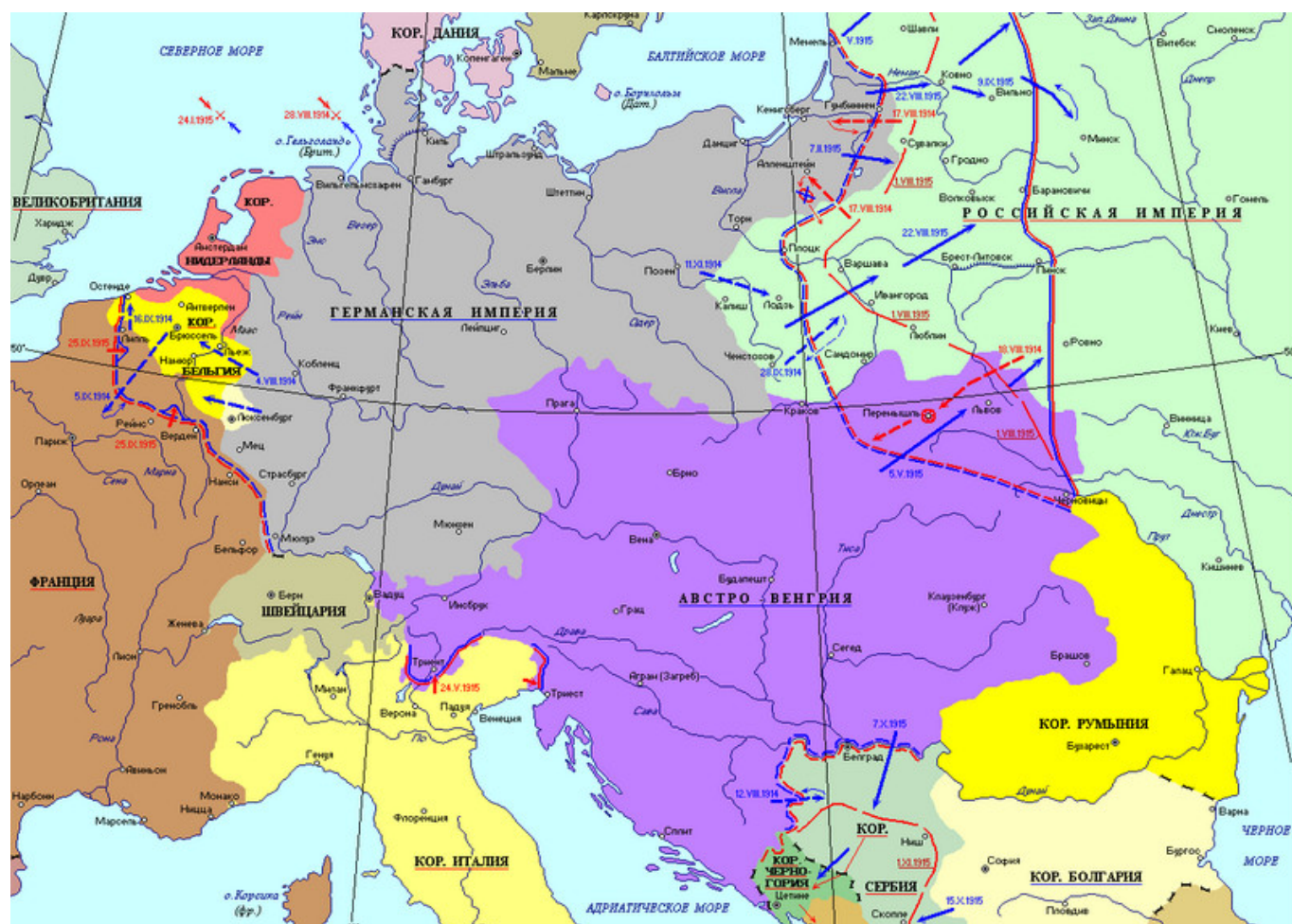

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Как Европа вслепую шла к Великой войне | Comment l'Europe alla à l'aveugle vers la Grande guerre

Автор: Жорж Нива (пер. Марии Липко), [Женева](#) , 26.08.2015.

<r>Так выглядела карта Европы накануне Первой мировой войны</r>

Известный славист, почетный профессор Женевского университета, по косточкам разбирает труд английского историка.

|
Comment l'Europe alla à l'aveugle vers la Grande guerre

«Всему свое время, время войне и время миру», – сказал Экклезиаст. Маятник долго колебался в годы, предшествующие 1914-му. В высоких кабинетах чувствовали его зловещие колебания, но общественные настроения слепо толкали в бездну. Вот что

явствует из перегруженной подробностями [книги](#) английского историка Доминика Ливена, потомка знаменитого рода балтийских баронов из Российской Империи, автора исследования «Россия против Наполеона, битва за Европу (1807-1814)». Мы переносимся в самые последние дни июля и первые - августа 1914-го, с описания которых начинается свое монументальное «Красное колесо» Солженицын. Между двумя этими трудами немало пересечений, но эпизод, которым открывается Август четырнадцатого, – окружение 2-й русской армии в лесах Пруссии, – занимает у Ливена не больше десяти строк. Вместе с многочисленными помощниками Ливен штудировал дипломатические архивы, главным образом, в России. Он хочет показать нам, как мир скатывался к войне, глазами России – в данном случае, в основном, глазами российской дипломатии и ряда лидеров общественного мнения. Перед нами предстают многочисленные новые портреты – министры, журналисты или действующие в тени почетные консулы.

Европа искала свой путь между «пороховыми бочками», коих в тогдашней политической географии было множество: Проливы, выхода в которые требовала Россия, Балканы с их войнами независимости против Османской империи, противостояние Сербии имперской Вене – приведшее к взрыву после убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда, – и, наконец, внутрибалканские конфликты (Сербия против Болгарии). Рассказ Ливена вроде бы ограничивается фактами, однако голос автора вмешивается порой в повествование, звуча то задумчиво, то предостерегающе. Книга эта писалась в Японии, и нынешняя напряженность в отношениях между Китаем и Японией, вполне способная вылиться в войну, заставляет его вновь пережить те годы между войной и миром в Европе. Игроки тогдашнего европейского «покера» почти не изменились: господствующая Англия - владычица морей, Германия Бисмарка и Вильгельма, объединенная Веной австро-венгерская империя, пытающаяся примирить свои народы. Республиканская и колонизаторская Франция, уменьшившаяся в размерах оттоманская Порта, послушная чужой указке.

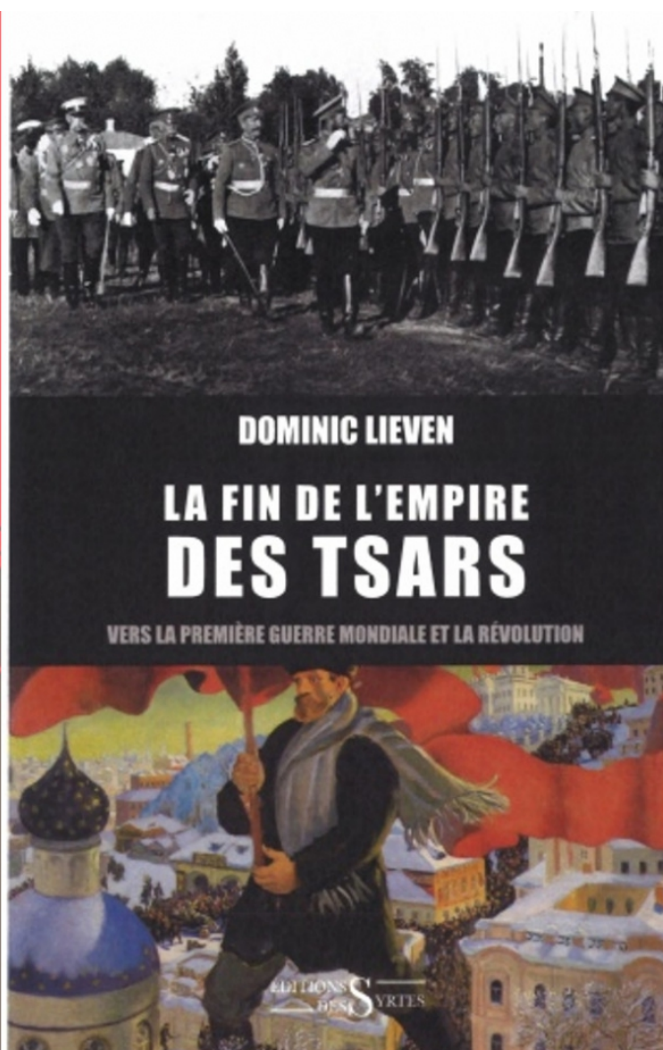
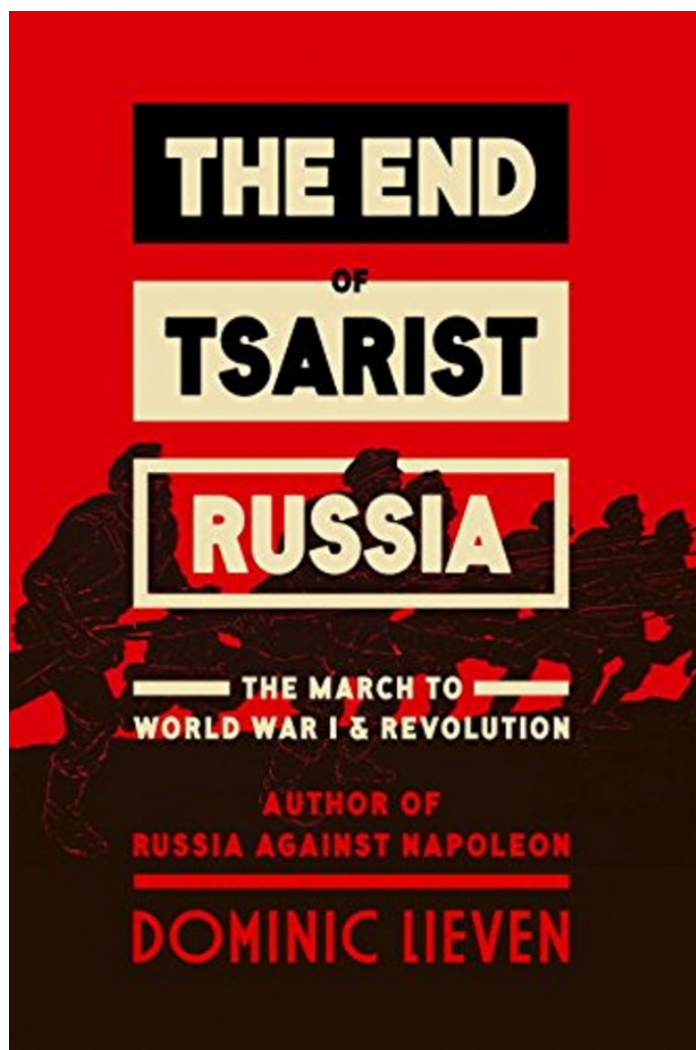
Профессор Ливен читает лекцию в посольстве России в Лондоне

Факт индустриализации изменил расстановку сил – некоторые из высокопоставленных русских политиков, рассказу о которых Ливен отводит пространную главу, знают об этом, другие нет. Несмотря на реформы Витте, направленные на ускорение развития промышленности, Россия все еще отстает, ее неслыханное поражение в войне с Японией обнажило слабость флота и низкий боевой дух (но адмирал Ливен, предок нашего историка, был из тех, кто уберег свой корабль в Порт-Артуре). В этой Европе, уже давно не знавшей крупных конфликтов, главные игроки делают ставку на блеф и риск. Угадать подлинную мощь, скрытую за каждым из соперников, – вот суть европейской дипломатии. Игра ведется три на три: «Тройственный Союз», выкованный Бисмарком – Германия, Австро-Венгрия и Италия, – против «Тройственного Соглашения» (Антанты), – франко-русского союза, к которому в 1907 году примкнула Англия; у этой игры свои правила, свои отступления от правил, свои сторонники и свои скептики. Седьмой игрок, Османская империя, пока затаилась. Германия чувствует себя в кольце «Тройственного Соглашения», этого столь парадоксального союза автократии и республики плюс Англии с ее парламентом и монархией. Императоры Вильгельм и Николай, пришедшие друг другу двоюродными братьями, до последнего думали, что смогут избежать рокового столкновения своих огромных военных машин...

Вышедший недавно монументальный труд Маргарет МакМиллан (Маргарет МакМиллан. Война, положившая конец Миру: Дорога к 1914. – 2014) подчеркивает: если мы ясно осознаем последствия этой войны, оставившей шесть миллионов убитых и двадцать миллионов раненых, то все еще петляем в лабиринте ее причин. Ливен, исходящий из русской точки зрения, тоже петляет. Ибо Европа 1900-х казалась все более и более цивилизованной, и созданная в Гааге мирная

конференция, в которой Россия играла важную роль, как будто отодвинула идею крупных конфликтов, но все готовились к войне, и столкновения в колониях, которые еще только предстояло разделить, служили пробным камнем. Военные планы были сплошь «оборонительные», но каждый втайне от другого просчитывал наступательную стратегию и, следовательно, был готов рискнуть по-крупному.

Ливен обрисовывает портреты многих русских мыслителей-националистов, в том числе знаменитого химика Менделеева (на чьей дочери женился поэт Блок), который видел в России великое будущее и предрекал ей к 2000-му году население в 600 миллионов человек. Среди противников «партии Двора», упорно видевшей основу российской политики в союзе империй, он выделяет Григория Трубецкого, происходившего из известной семьи московских интеллигентов и убежденного, что внешняя политика России должна быть именно русской, то есть руководствоваться не столько стратегическими интересами (Проливы), сколько славянским и православным родством, – он был самым воплощением «русского либерального империализма». Зато его племянник, знаменитый лингвист Николай Трубецкой, будет в 1920-е годы на пару со своим коллегой Романом Jakobсоном «евразийцем», горячим сторонником евразийского пути развития России (идея, подхваченная сегодня в высших сферах страны). Что же до Проливов, напоминает нам Ливен, то они были для России тем же, чем Суэцкий канал для Англии или Панамский для Соединенных Штатов: всякая великая держава должна была иметь выход на стратегически важные морские просторы (это была эпоха, когда многочисленные броненосцы считались главным символом военной мощи – отсюда горечь поражения при Цусиме). Проливы сыграли роковую роль, завладев умами многих общественных деятелей, а главное, русских «руководителей».

Ливен задается вопросом: почему у России не было своего великого лидера? Ведь по сути ей пришлось ждать Ленина, чтобы обзавестись оным... Николай II не имел веса, на этот счет историки, как и современники, сходятся во мнении. Победитель сражений 1877-78-х, генерал Скобелев был одно время на пике славы, но власть армия в России никогда не брала. Столыпин мог бы стать русским Бисмарком, но его убили, – и как раз тогда, когда царь уже решил его устранить; Петр Дурново, раздавивший восстание 1905 года, был замаран – и знал об этом; Александр Кривошеин, всего добившийся своими силами, внук крепостного, самый популярный из царских министров, в решающий момент в начале 1914, когда Николай искал нового премьер-министра, свалил все на плечи непроходимого бездаря. У Франции был Пуанкаре, у Англии Ллойд Джордж, у России же лидера не было.

Однако почему раскручивался маховик войны, остается полнейшей загадкой. Многие верили в «блицкриг», в нарыв, который быстро прорвется. Опасные дуэли мнений передавались из одной страны в другую посредством центральных газет. Росли националистические настроения, русско-тевтонская вражда занимала воображение. Недавняя выставка в Русском музее показала нам, какое поразительное участие в антигерманской пропаганде принимал в начале войны весь русский авангард: Маяковский, Малевич, Ларионов, Гончарова, Мейерхольд...

Общественные настроения – не главная тема книги Ливена, и это прискорбно. Он приходит скорее к меланхолическим выводам. Игра расчетов и просчетов между державами, подстерегающими друг друга, привела к катастрофе. Не возобновилась

ли эта игра сегодня? Изменились вооружения, на смену малым балканским войнам пришли войны «гибридные», Европа больше не главный мировой центр силы, но «игра», построенная на блефе и риске, эта вызывающая тревогу игра, не возобновилась ли она? Как вне Европы, так и в ее пределах, хотя мы уже мысленно списали ее в архив. Финальное размышление Ливена о парадоксе первой Великой мировой войны, которая зародилась исключительно в Европе, но повлекла за собой миллионы людских смертей на других континентах, наводит на мысль, что на кону – исторический «реванш» континентов и что «стратегия балансирования на краю бездны», вновь разыгрываемая сегодня, может завести куда дальше, чем сто лет назад.

Доминик Ливен. "Конец царской империи. К Первой мировой войне и революции" (на франц. языке). Перевод с английского и примечания Андрея Козового. Издательство Syrtes, Женева, 2015.

С оригинальным текстом профессора Нива можно ознакомиться в его [блоге](#).

[Европа](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/20171>